

— Нет.

Гу Синьжань глубоко вздохнула, слегка наклонила голову — на её лице словно было написано «мне не по себе».

— Вчера, когда ты встретила Ло Бин, ты выглядела совсем иначе.

— Ло Бин — враг. Если я не буду вести себя твёрдо, она решит, что я слабая и меня можно давить.

Бай Илань промолчала и кивнула.

Обе замолчали, и на какое-то время повисла неловкая тишина.

— Может, попробуем ещё раз? — первой нарушила молчание Гу Синьжань.

— Хорошо, давай.

Бай Илань сосредоточилась и начала играть. На этот раз Синьжань была начеку: напевая, она внимательно наблюдала за руками Илань, надеясь подсмотреть приёмы игры. Но чем больше она смотрела, тем сильнее увлекалась. Пальцы Илань были белыми, прозрачными, длинными и изящными — просто восхитительными!!

Услышав, как напевание Синьжань превратилось в невнятное бормотание, Бай Илань подняла бровь, взглянула на неё и поняла: та снова отвлеклась.

Синьжань, замороженная руками Илань, вдруг почувствовала на себе резкий взгляд. Подняв глаза, она увидела, что Илань косо на неё смотрит. Сердце Синьжань ёкнуло, и она тут же сосредоточилась на пении.

Закончив петь, Синьжань с облегчением вздохнула и прочистила горло.

Бай Илань посмотрела на неё:

— Ты не взяла воды?

— Э-э...

Илань встала, достала из сумки термос, налила стакан воды и протянула ей.

Синьжань, удивлённая и тронутая, взяла стакан, поблагодарила и осторожно сделала глоток. Вода была сладкой, словно с мёдом.

— Спасибо.

— Давай отдохнём немного.

— Угу!

Бай Илань сосредоточенно изучала ноты, а Синьжань делала вид, что с большим вниманием пьёт воду. Обе молчали, и атмосфера снова стала вязкой.

Вскоре Синьжань снова не выдержала:

— Э-э, учитель Бай, вы можете научить меня играть на пианино?

— Хм? Можно. Что хочешь сыграть?

— Вот эту песню, «Опадающие цветы».

— Хорошо, садись сюда.

Синьжань послушно села рядом, почти касаясь её плеча. Бай Илань объяснила ей аккорды и сыграла два такта для примера.

Синьжань внимательно запомнила и, не выдержав, сама попробовала сыграть. Услышав прекрасные ноты, исходящие из-под её пальцев, она почувствовала нечто удивительное.

— Здесь неправильно, — прервала её Бай Илань, схватила её руку и поправила положение пальцев для аккорда. Казалось бы, обыденное действие, но после того как их пальцы соприкоснулись, всё вдруг стало сложнее.

Синьжань замерла, всё её тело непроизвольно напряглось.

Бай Илань тоже застыла, не зная, убрать руку с тыльной стороны ладони Синьжань или оставить её...

Обе не двигались. Илань глубоко вдохнула, и её ноздри наполнились лёгким ароматом духов, который так нравился прежней Синьжань.

Закрыв глаза, она убрала руку и слегка отодвинулась в сторону, сохраняя дистанцию.

— О, я поняла, мизинец... мизинец неправильно поставила, — заметив её движение, Синьжань поспешила сменить тему, чтобы сгладить неловкость.

— Угу, — равнодушно отозвалась Бай Илань.

— Я отдохнула, давай попробуем записать?

— Хорошо, иди.

Бай Илань кивнула, указывая ей войти в студию звукозаписи.

Синьжань с облегчением вздохнула. Боже, даже на финале конкурса она не чувствовала такого напряжения!!!

В студии Синьжань надела наушники, жестом показала Бай Илань «окей», и в наушниках зазвучала музыка.

Закрыв глаза, она точно вошла в музыку, но, пропев первую строчку, растерялась.

Она пустыми глазами смотрела на Бай Илань через стекло.

— Мой голос в записи звучит так ужасно?!

— Ты записываешься впервые, это уже неплохой результат. Попробуй ещё раз, будь увереннее, у тебя красивый голос, — Бай Илань старалась её поддержать.

Синьжань кивнула и попробовала снова. Всё ещё звучало плохо, но она была из тех, кто становится только крепче после неудач, и больше всего не боялась поражений. После множества попыток она наконец записала первую строчку, которой осталась довольна.

Бай Илань знала, что у неё свой ритм, поэтому не прерывала. Только эту строчку Синьжань перепела десятки раз, но, увидев, как та наконец улыбнулась, невольно кивнула ей.

После записи третьей строчки Синьжань потеряла горло, чувствуя сухость. Бай Илань вовремя остановила её и предложила выйти отдохнуть.

— Это мой первый опыт записи песни, довольно интересно.

— Пока не говори, попей воды, голос осип.

— Угу.

— Ты голодна? Не хочешь поесть?

Синьжань взглянула на часы и удивилась: уже двенадцать часу! Она за всё утро записала всего три строчки!?

Они немного прибрались и покинули студию, вернувшись к съёмочной группе.

На площадке все тоже отдыхали и обедали. Увидев издали, что режиссёр и Синьжань подходят, люди начали активно переглядываться, но не решились шуметь.

Они направились прямо в комнату отдыха, где их уже ждала Фан Цзинхай. Увидев их, она сразу подошла:

— Сестра Жань, учитель Бай, как прошло? Запись прошла успешно?

— Очень успешно, и вы тоже потрудились, давайте пообедаем вместе, — сказала Бай Илань.

— О, нет-нет, я лучше пойду поесть с сестрой Шуан, вы кушайте на здоровье, кушайте, — она поспешно ретировалась, проявив тактичность.

Экая...

— Давай поедим.

Синьжань села, взяла коробку с ланчем и на мгновение задумалась. Она давно не испытывала таких ощущений, как на съёмочной площадке, когда ешь из одноразовой коробки!

Только открыв крышку, она резко поморщилась. Запах еды вызвал у неё бурную реакцию в желудке, и она с трудом сдержала рвотный позыв!

— Что случилось? — Бай Илань поспешила к ней и похлопала по спине.

— Я не знаю... э-э... не знаю...

Синьжань с трудом подавила тошноту, хотя ничего не ела.

— Сельдерей?

В глазах Бай Илань мелькнуло удивление, когда она увидела сельдерей с мясом в коробке.

Синьжань замерла. Неужели правда?

Она взяла палочками кусочек сельдерей, поднесла ко рту, и её снова скрутило от тошноты. Было так плохо, что глаза моментно увлажнились!

— Не ешь это, я принесу тебе другую еду, — Бай Илань поспешно унесла обе коробки.

Синьжань помахала рукой, разгоняя запах сельдерей, и только тогда отважилась вдохнуть.

Одновременно её охватило недоумение. Странно, ведь она не ненавидит сельдерей и раньше не реагировала на его запах так сильно.

Внезапно нахмурилась, вспоминая, как Илань в больнице проверяла её реакцию, сказав, что прежняя хозяйка тела не переносила запах сельдерей. Но тогда она съела целую порцию сельдерей и не почувствовала никакого дискомфорта!

Неужели... тогда из-за простуды обоняние было притуплено???

Синьжань размышляла об этом, когда вернулась Бай Илань.

— Ты как себя чувствуешь?

— Угу.

— Ты ведь... не ненавидишь сельдерей?

— Не знаю, что происходит, — Синьжань покачала головой. Она сама была в замешательстве, но, увидев, как Илань нахмурилась, попыталась улыбнуться:

— Я в порядке, не волнуйся.

.....

После обеда они немного отдохнули и вернулись в студию продолжать запись. За день они сделали чуть меньше половины песни, что для первого раза было неплохим результатом.

Уходя, Бай Илань дала ей коробочку леденцов для горла и велела беречь голос.

В машине Синьжань рассасывала леденец — сладость разливалась прямо в сердце.

Фан Цзинхай украдкой взглянула на неё. Хм, по такому выражению лица можно сказать, что их время вдвоём прошло очень гармонично!

.....

Синьжань откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза и незаметно уснула.

Ей приснился сон.

Во сне она увидела девочку лет семи-восьми, грязную, всю в синяках. Она брела по пустынной тёмной улице, уставшая и голодная, не зная, куда идти. Проходя мимо рынка, она увидела выброшенные кем-то корнеплоды. Поразмыслив, она подбежала, схватила их и начала жадно

есть! Она ела, её тонило, но она заставляла себя глотать, зная, что только так сможет выжить!

— Сестра Жань? Сестра Жань, с тобой всё в порядке?

Фан Цзинхай увидела, что Синьжань дрожит, а на лбу выступил холодный пот. Она тут же остановила машину и похлопала её.

Синьжань резко открыла глаза, желудок снова сжало, и она с трудом подавила позыв к рвоте, сделав глоток воды.

<http://bllate.org/book/16851/1551078>